

«ПРИРОДА И ВЛАСТЬ» ИОАХИМА РАДКАУ

Joachim Radkau. *Nature and Power: A Global History of the Environment*. Translated by Thomas Dunlap. German Historical Institute and Cambridge University Press, 2008.

Рецензия – Владимир Орлов

Природа знать не знает о былом.

Ей чужды наши призрачные годы...

Но мы-то все пытаемся *разъять музыку* природы, разобраться в ее *былом*.

Экологическая наука как-то уж больше стала отдавать безнадежным, навязчивым алармизмом. Все плохо, и все будет еще хуже. С упрямым мазохизмом человечество корит себя – в том числе и за то, к чему вряд ли причастно, но в извращенной гордыне готово и дополнительные грехи на себя принять, дабы умножить поводы для самобичевания. Новости природных катаклизмов все больше напоминают военные сводки: тут *небывалые* засухи, там *небывалые* наводнения, тут *небывалые* цунами, там *небывалые* извержения... Так что у обывателя формируется устойчивое впечатление, что природа взбунтовалась и что такого *еще никогда в истории не было*... Прямо-таки апокалиптическая зарисовка, не договаривающая разве что самую малость: что и раньше все это было, только вот не было глобальных коммуникационных систем, которые новость о землетрясении на далеком острове доносят до нас в режиме online, да еще превращают ее – в отсутствие войн горячих или холодных – в глобальную первополосно-праймтаймовую сенсацию.

У немецкого профессора истории Иоахима Радкау в его масштабном труде «Природа и власть» (хотя, вероятно, по смыслу более точным переводом было бы: «Природа и общество») стояла трудновыполнимая задача: объять необъятное, рассмотрев историю взаимодействия человека и окружающей среды во времени и в пространстве, от финикийцев до *Катрины*, от крушения цивилизации майя через европейскую средневековую чуму (и вот, к радости русских читателей, мелькнули восточные славяне, уместно мелькнул Ключевский) к большому ирландскому голоду, при этом удерживаясь от соблазнительного соскальзывания к алармизму. Немецкое издание его книги вышло в Мюнхене еще в 2002 г., а в 2008 г., при содействии Немецкого исторического института в Вашингтоне, увидело свет дополненное английское издание, благодаря которому со взглядами Радкау получили возможность познакомиться все те, кто читает по-английски и интересуется не истерическим, но историческим подходом к экологии.

В одной из первых глав автор знакомит нас со своими представлениями о симбиозе человека и природы в историческом разрезе. Судите по заголовкам: «Вначале был огонь: всемирное подсечно-огневое сельское хозяйство и пиромания в истории экологии»; «Люди и звери: охота и одомашнивание»; «Сады и фруктовые деревья»; «Огородники и кочевники»... В этой главе читатель, особенно тот, кто не обременен специальными эколого-историческими познаниями, найдет несколько элегантно выписанных откровений, как, например, такое: «Еда и поведение в области продолжения рода являются основополагающими во взаимоотношениях людей и природы. Так, картофель и прерван-

ный половой акт являются главными инновациями восемнадцатого столетия, которые являются ключевыми с точки зрения экологической науки» (с. 6). Или (заимствованное): «Всемирная история может быть разбита на три этапа: первый – до того, как люди одомашнили лошадей – *долошадный*; второй – *лошадный*; и третий – *пост-лошадный*» (с. 54). Или: свинья, благодаря любви которой к желудям Европа покрылась дубовыми рощами, одновременно и прекрасный пожиратель отбросов, – «это один из невоспетых героев всемирной истории экологии» (с. 60).

Впрочем, любители легконаучной публицистики будут разочарованы. Большая часть книги Радкау написана с весьма немецкой педантичностью и по-карломарковски закрученными абзацами, аккуратно воспроизведенными переводчиком. Так что, приступив к ее чтению на палубе устремленного в гущу современных экологических проблем корабля *Тукан*, а если еще точнее, то устремленного в гущу Амазонии, я вскоре почувствовал, что продираться сквозь амазонский бурелом значительно проще, чем сквозь некоторые пассажи и ход мысли уважаемого немецкого профессора. Заканчивать чтение в родной столице, на фоне нулевой августовской видимости, оказалось почему-то проще; может быть, стимулировал смог.

Но даже утомленный путник не обойдет вниманием раздел книги, посвященный столь актуальной теме, как «Вода, леса и власть». (Замечу в скобках, что в своих энергетических пристрастиях Радкау уже много лет последовательно противится атомной энергетике и выступает сторонником развития альтернативных источников энергии.) Один из наиболее провокационных разделов этой главы назван так: «Китай как модель и как ужасающая перспектива». Один из наиболее ярких разделов – сравнительный (ход, который особенно удается Радкау): «Водные цивилизации на ограниченных пространствах: Венеция и Нидерланды».

Перемещаясь ближе к нашим дням, автор напоминает, что в начале семидесятых годов прошлого столетия окружающая среда оказалась под угрозой не из-за недостатка энергии, как могло бы показаться в разгар нефтяного кризиса 1973 г., но из-за избытка дешевых источников энергии (правда, он тут же оговаривается, что имеет в виду преимущественно промышленно развитые страны).

И, конечно, никак нельзя миновать одну из наиболее полемичных глав: «Колониализм как водораздел в истории окружающей среды». Автор сходу выделяет два различных типа колониализма. Первый – торговый, который накладывает свой отпечаток только на прибрежные порты. Второй – поселенческий, который проникает вглубь суши. В то время как первый разрушает саморегулирующиеся элементы сложившейся местной экономики самообеспечения, второй, по утверждению автора, совершенно не обязательно несет подобную опасность. Шаг за шагом Радкау приходит порой к парадоксальным выводам: например, что наиболее неблагоприятная экологическая ситуация сложилась прежде всего в тех развивающихся странах, которые не были *под игом колонизаторов* или же были колониями лишь непродолжительное время: в Гаити, Эфиопии, Непале. «Эти страны оказались еще более слабо вооружены против вызовов современной цивилизации, чем многие бывшие колонии» (с. 153). Так, «Гаити, когда-то богатейшая колония мира, сейчас представляет собой вопиющий пример эрозии почвы» (с. 162). Еще один парадоксальный вывод: «Подчас наихудшие долгоиграющие экологические проявления колониализма давали о себе знать в постколониальную эру. Очевидно, что историк экологии должен думать не в категориях экологической революции, но в категориях взаимодействия между институциональными изменениями и экологическими процессами» (с. 153). «В каком-то смысле, колониализм был вредоносен в долгосрочной перспективе не только по причине экологических изменений, которые он привнес, но, вероятно, – и еще более разрушительно – по причине некоторых видов охраны окружающей среды, колонизаторами инициированных» (с. 164).

Не сомневаюсь, что многие утверждения Радкау вызовут как минимум желание пополюемизировать с ним, ну а как максимум – встретят устойчивое отторжение. Так, мне не кажется убедительной его логика крестового похода против атомной энергетики, хотя он и посвящает своим объяснениям немало страниц.

Однако мне кажется, что большинство непредвзятых читателей с улыбкой одобрения встретят заключительный пассаж книги, посвященный любви к природе и взаимосвязи любви и природы. 67-летний Радкау начинает свой заход хитро, с 1968 г., с Маркузе, который как-то пожаловался, что американские подростки получают свой первый сексуальный опыт не на природе, а на заднем сиденье автомобиля. «Каждый, кому знакома взаимосвязь между гуманизмом и природой, история целиком, а не только история философии, должен осознать, сколь важна связь между природой и любовью и как важно всякий раз радость от соединения с природой испытывать словно в первый раз», – развивает Маркузову мысль Радкау.

И приводит под занавес один подслушанный им как-то разговор между двумя живущими в Германии турчанками. Одна спросила: «Как ты думаешь, что такое типичный немец?», и другая в ответ: «Это тот, который занимается сексом в течение пяти минут и потом болтает об этом в течение пяти месяцев». На что первая отреагировала: «А я-то думаю, что лучше наоборот». На что Радкау назидательно закругляет: «Любовь к природе не слишком отличается от секса. И историк экологии должен то и дело об этом вспоминать» (с. 327).

Мы начали с Тютчева. А чем он закругляет свое размышление *о природе*?

*Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.*

